

Сунгуров Павел Александрович

преподаватель Тюменского государственного
нефтегазового университета

**БОРЬБА С ГОЛОДОМ
В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1911 Г.)**

Аннотация:

В статье анализируются сведения, касающиеся принятия административным аппаратом мер по борьбе с разразившимся к 1911 г. в регионе голодом. Ключевые выводы базируются на ранее не введенном в научный оборот историческом источнике (периодическое издание «Сибирские вопросы»). Подчеркивается, что, будучи оппозиционными по отношению к существовавшей власти, авторы журнала явно не были заинтересованы в «приукрашивании» реалий социально-экономической жизни как всего государства, так и отдельного региона, что позволяет говорить о непредвзятости и относительной объективности представленных сведений.

Ключевые слова:

Тобольская губерния, крестьянские начальники, Курганский уезд, голод, зерно, хлеб, скот, сено.

Sungurov Pavel Aleksandrovich

Lecturer,
Tyumen State Oil and Gas University

**THE STRUGGLE AGAINST HUNGER
IN THE KURGAN DISTRICT OF
THE TOBOLSK PROVINCE (1911)**

Summary:

The paper analyses the data relating to the emergency measures taken by the local government against the famine that had broken out in the region in 1911. The key findings are based on the historical source previously not introduced into scientific use ("Sibirskie Voprosy" magazine). It is emphasized, that being in opposition to the existing government, the magazine's writers were clearly not interested in "embellishing" of socio-economic realities of both the entire state and a particular region, which suggests the impartiality and relative credibility of the information presented.

Keywords:

Tobolsk Province, peasant chiefs, Kurgan district, hunger, grain, bread, livestock, hay.

Переселение и ссылка, развитие социально-экономического потенциала региона, строительство Транссибирской магистрали – традиционно именно эти характеристики ассоциируют с Тобольской губернией начала XX в. Но зауральский регион сталкивался и с другими реалиями жизни. В преимущественно аграрном регионе частые неурожаи и проблемы с обеспечением продовольствием могли приводить и к таким явлениям, как голод [1].

Неурожаем и, как следствие, очень высокие цены на корма и хлеб явились весьма тревожными обстоятельствами, с которыми столкнулись сибирские крестьяне. Особенно сложная ситуация в 1911 г. сложилась в Курганском уезде. Сам город и уезд пролегли в полосе, охваченной резкой засухой; дождей не было там все лето. К июлю все засохло и выгорело. Хлеба или вовсе не взошли, или едва поднялись и засохли. Началась усиленная распродажа крестьянами скота, птицы. Маслодельные заводы из-за недостатка молока начали закрываться. У крупного рогатого скота, пущенного на убой, находили желудки, набитые землей: выгоны были совершенно без травы. Населением края начала овладевать паника: не таким опасным являлся неурожай хлебов, как отсутствие кормов для скота. Рушилось все благосостояние крестьян, основанное на разведении скота [2].

В обозначенных обстоятельствах крестьяне начали массово уходить из деревень: одни – в поисках заработков на стороне, другие – в поисках мест для заготовки сена, третьи вместе со скотом отправлялись в урожайные районы. Главным образом путь их лежал на р. Обь возле Новониколаевска, а также в Тобольский и Тюменский уезды. Неизвестно, как сложилась бы в дальнейшем судьба курганских крестьян, если бы вопрос об их бедственном положении не был поставлен на государственном уровне. Сделал этот шаг директор союза маслодельных артелей А.Н. Балакшин, который в конце лета съездил в Санкт-Петербург для переговоров с главным управляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным. Реакцией власти стало командирование в Сибирь инспектора сельского хозяйства для организации помощи населению.

Ко времени совещания, проведенного инспектором, на местах уже были подготовлены цифры, определявшие потребность в недостающих семенах озимой ржи, продовольственного хлеба и сена для скота, а именно: на посев озимой ржи требовалось 223 750 пудов; на продовольствие, начиная с сентября, – 1 875 тыс. пудов для 279 963 едоков; сена – 12 403 тыс. пудов, из которых по собранным сведениям самим населением в разных местах вне губернии заготовлено 2 933 тыс. пудов; на посев яровых полей – 512 тыс. пудов пшеницы и 293 тыс. пудов овса. Курганцы

ждали, что командированное правительством лицо приедет во всеоружии полномочий и немедленно решит вопрос о размерах и виде помощи. Действительность не оправдала этих надежд [3].

Если же характеризовать меры непосредственной помощи, то выглядели они так: на станцию Курган было доставлено для населения 150 тыс. пудов озимой ржи, заготовленной организацией переселенческих складов. Рожь эта раздавалась тем сельским обществам, которые приняли согласие взять зерно в счет платы за участие в предстоящих общественных работах. Эту рожь крестьянам поставили по заготовительной цене – 1 руб. 10 коп. за пуд. Такая же цена была и на местном рынке, но на рожь не семенную, а главным образом взятую из хлебозапасных магазинов и продаваемую для обмена на семенную. Но семенной ржи на местном рынке не было, и крестьяне, по разным соображениям отказавшиеся от предложенной им ссуды, тщетно, чуть не со слезами, упрашивали председателя съезда продать им из доставленной ржи хоть немного для посева. Председатель съезда, лично руководивший выдачей ссуд, был неумолим в своей логике: «Вам предлагали, не желаете – пеняйте на себя».

Далее шла операция по выдаче сена, заготовленного переселенческой организацией; его предполагалось выдать на Курганский уезд 1 миллион пудов. Заготовка сена производилась хозяйственным способом в Томской губернии. Было известно, что эта заготовка с прессованием обходилась в 50 коп. за пуд. Однако населению сено отпускали по 35 коп. за пуд, приняв перерасход на счет убытков государственного казначейства. Сено, как и рожь, предполагалось отпускать по договорам, причем 10 коп. с пуда крестьяне должны были заплатить немедленно в момент получения ссуды, а 25 коп. с каждого пуда предоставлялись в многолетнюю рассрочку. Но до 25 августа не было получено ни одного договора о ссудах на таких условиях, крестьяне отказывались или по неимению денег для первого взноса, или считая цену в 35 коп. за пуд очень завышенной. Цена, «установленная» властью, действительно была высокой. В Тюмени, например, сено на базаре продавали по 25 коп. за пуд и при этом прогнозировали дальнейшее снижение цены, а предприимчивые перевозчики предлагали сено «с доставкой» в Курган за 27 коп. с пуда.

Реализация на практике идеи отработок за предоставленную правительством помощь также столкнулась с массой проблем. В Кургане циркулировали слухи о разных недоразумениях, возникавших у рабочих, увезенных в пустынную тайгу с руководителями работ. Одному из них пришлось спасаться, выпрыгнув через окно, от набросившейся на него с косами и топорами разъяренной толпы недовольных. Аналогичные слухи ходили о партиях, работавших на севере, в тобольских урманах [4].

Как уже отмечалось выше, помощь семенами и продовольствием организовывалась на новых началах: не в виде ссудной помощи как прежде, а выдачей в счет платы за участие в общественных работах. В Курганском уезде к концу августа эти общественные работы еще не были начаты, и о них нельзя было собрать никаких сведений. Но из Курганского уезда до 400 чел. ушло на общественные работы в Тюменский уезд. Поденная плата на всех общественных работах определялась по 1 руб. мужчине и по 60 коп. женщине на их харчах. При передвижении рабочих издалика выдавались так называемые путевые деньги в размере 1 руб. за каждые 50 верст пути. В Курганском уезде разных мелких общественных работ было запланировано на 500 тыс. руб. Наконец, в ход был пущен, как мера экстренной помощи населению, хлеб из 2-й половины запаса хлебозапасных магазинов. Разрешение на его выдачу было получено. Этого хлеба по уезду насчитывалось 779 тыс. пудов.

В самых общих чертах фактическая сторона помощи нуждающимся выглядела так. Но интерес представляет, конечно же, и бытовая сторона дела. Сложно сказать, в частности, какая категория хозяев наиболее пострадала от неурожая? Какие крестьяне оказались наиболее стойкими к чрезвычайной ситуации? Какие местности в зависимости от величины и качества наделов более пострадали? Принимая во внимание то обстоятельство, что периодичность неурожая в Западной Сибири была весьма высокой, любопытно было бы выяснить, где и какие меры принимало население заблаговременно для борьбы с неурожаями, и велась ли такая работа вообще? Исследовав эту «бытовую» сторону вопроса, может быть, возможно было бы связать в цепь ряд явлений: беззаботность населения; отсутствие в массах предвидения тяжелых лет; дешевая, в изобилии предлагаемая водка; слабая организация народного образования; отсутствие всякой общественной и просветительной деятельности в деревне; опека населения начальством, осуществляемая и в данном случае организации продовольственной помощи. Но, к сожалению, и 1911 голодный год не внес ничего нового в вопрос о предупреждении голода, ибо никто и не помышлял в нем разбираться и по «горячим следам» собирать материал для его изучения. Следует сказать, что в том же году от сильных неурожая пострадали и другие местности губернии, например Ишимский и Ялуторовский уезды [5].

Сама по себе идея организации работ в обмен на необходимое продовольствие выглядела достаточно туманно и неопределенно. Деятельность местной администрации к концу летнего сезона оставалась на первой стадии: с одной стороны, заготавливался хлеб для продовольствия, с другой – проектировались общественные работы. По схеме организации, продиктованной Петербургом, на общественные работы не планировались финансовые затраты, но не было конкретно понятно, как будет оплачиваться труд заведующих работами?

Таким образом, в статье предпринята попытка охарактеризовать меры, направленные на преодоление негативных последствий разразившегося на юге Tobolsk губернии неурожая. Ситуация имела действительно крайне острый характер: массовое сокращение поголовья скота, отсутствие урожая зерна, необходимого как для текущего производства ключевого продукта питания населения – хлеба, так и для проведения посевной кампании, могли поставить жителей края на грань не только обнищания, но и физической гибели. Следует справедливо подчеркнуть, что не разразиться настоящему голоду в регионе помогли все же в большей степени усилия центральной власти.

Ссылки:

1. Сунгуров П.А. Полиция Tobolsk губернии в 1867–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2014. С. 179.
2. Сибирские вопросы. 1911. 8 октября.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.

References:

1. Sungurov, PA 2014, *Police of Tobolsk province in the 1867-1917*, PhD thesis, Tyumen, 179 p.
2. *Siberian questions* 1911, 8 October.
3. *Siberian questions* 1911, 8 October.
4. *Siberian questions* 1911, 8 October.
5. *Siberian questions* 1911, 8 October.